

СРОЧНАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ

РАССКАЗ

РОМАН СЕНЧИН

Родился в 1971 году в городе Нызыле Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Проза и пьесы публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Сибирские огни», «Дружба народов», «Аврора», «Урал». Автор двух десятков

нниг, в том числе «Ничего страшного», «Московские тени», «Елтышевы», «Зона затопления», «По пути в Лету», «Постоянное напряжение», «Дождь в Париже». Проза переведена на немецкий, английский, французский, финский, китайский и некоторые другие языки.

Лауреат премий «Эврика», «Ясная Поляна», «Большая книга», премии Правительства Российской Федерации в области культуры. Участник Форумов молодых писателей «Липни» (2001–2006), театрального фестиваля «Любимовна» (1997, 2010). Живет в Екатеринбурге.

Свирин шагнул из самолета на трап и сразу задохнулся от запаха сгоревшего угля. И обдало страхом – вспомнилась та единственная его зима в деревне, когда изо дня в день приходилось топить печки и грести, грести, грести в ограде тяжелый снег. Сидение в мороз над дыркой в сортире вспомнилось, черное, в точках стылых звезд небо и пар от дыхания, поднимающийся к нему, ледяные поленья, глыбы угля, которые колешь тяжелым ломом, собачья миска, колодезное ведро, к которым прилипают пальцы... После школы он убежал в большой город, а теперь, спустя тридцать с лишним лет, обстоятельства кидали его в такую зиму. Только не шестнадцатилетнего, а почти пожилого, с болезнями и не проходящей, застарелой усталостью.

Еще не рассвело, и хорошо были видны столбы дыма из труб окружавших аэропорт домишек. На самом деле столбы эти темно-серые, но сейчас казались беловатыми. Уголь, уголь... В Екатеринбурге, где жил Свирин, им не пахло – старый частный сектор почти везде поносили, новые дома обогревались газом, дизелями, электродотлами, а в таких вот небольших городках и деревнях – углем. Может, и хотят люди газ, но где взять? Проведение газопровода в эти края, Свирин интересовался, – в очень отдаленной перспективе, а с помощью баллонов пропана, который, как и сорок лет назад, развозят на машинах, много не нагреешь.

И вот в такой холод собачий мама каждое утро, тщательно одевшись, попрыскав в горло ингалятором, идет в угольник, набирает ведро тускло-черных комков и несет в избу, к печкам, чтобы не замерзнуть. Отец давно уже не помощник, соцработница приходит три раза в неделю ближе к обеду.

Вины Свирин не чувствовал, скорее, досаду – несколько раз в последнее время он заводил разговор о том, чтобы им переехать или в ближайший город, или к нему, а здесь проводить теплое время года. Но мама приводила в ответ аргументы, которые казались ей бесспорными: дом не оставишь – разворуют; если не топить, то и картошка в подполье замерзнет; собаку куда девать; не приживутся они в таком возрасте на новом месте, да и не смогут в бетонных коробках... Свирин отступал, тем более что родители по телефону почти всегда говорили с ним бодрими голосами, и ему казалось, что они по-прежнему крепкие и здоровые...

До здания аэропорта было от самолета метров пятьдесят, но зачем-то людей загружали в автобус, причем не перронный – с низким полом, а «Икарус» со ступеньками, узким проходом меж сиденьями. Пассажиры не хотели садиться, образовывалась давка, короткие ссоры... В этом аэропорте много лет уже так, хотя когда-то разрешали идти из самолета или в самолет пешком, и в этом была своя

прелесть, что ли. Или не прелесть... В общем, как-то хорошо становилось, как в детстве.

Свирин бывал в Черногории – в Тивате. И там никогда никаких автобусов. И в Новосибирске иногда пускают пешком, даже «зебры» нарисованы от здания к самолетам.

Новосибирское Толмачево давно стало для него третьим домом. Там пересадка – прямого самолета из Екатеринбурга сюда нет. Летом вводили стыковые рейсы, но в основном – а теперь приходилось летать и весной, и ранней осенью, – торчал в зоне ожидания по нескольку часов. Хорошо, что курилку даже в период запрета на них не закрывали, иначе приходилось бы кочевать между улицей и зданием через эти изматывающие зоны досмотра...

«Икарус» остановился, двери с шипением раскрылись, пассажиры посыпали из него, вытягивая ручную кладь, по размеру не уступающую багажу. Свирин пропускал вперед нетерпеливых, хотя самому надо торопиться.

Мама позвонила позавчера ближе к вечеру и сказала: ситуация критическая, ему нужно срочно приехать. Еще за несколько дней до того Свирин услышал, что голос у нее стал тусклым, одышка сильнее, какие-то хрюкающие выдохи, от которых ему становилось не по себе. Спрашивал, как здоровье, мама отвечала, что недомогают, наверное, простыли, принимают лекарства. И вот – «ситуация критическая».

В течение дня Свирин решал срочные вопросы, вводил в курс дел своего заместителя, а поздно вечером отправился. До Новосиба летели два часа, а в Новосибе просидел семь. Не просидел, а бродил по залам, курил, разглядывал разные безделушки в магазинчиках, поел борща и пасты «Карбонара», хотя голода не чувствовал. Тревога изводила: родители недавно сделали первую прививку против коронавируса, а вот, похоже, заразились. Отец, мама сказала по телефону, почти не поднимается, сама она встает лишь дать собаке полбулки хлеба да в печку подбросить. Соцработница приносит дрова, уголь, позавчера сварила молочную кашу – ее и едят кое-как. Приходила деревенская фельдшерница, сказала, что надо в больницу, мама ответила: дождемся сына и решим. Страшно дом оставлять... Напротив них два участка купили дачники, появляются лишь в выходные, да и то не каждые, – и ничего, не разграбили. Не девяностые давно...

– До Кызыла едем, до Ермаков... Черногорск, Черногорск... До Шушенского два места осталось, – встретили таксисты.

Раньше они буквально кричали, тон был этакий приказной, мол, садись – и поехали. После появления у людей смартфонов, набитых разными приложениями, номерами-адресами всех этих «Везет», «Максим», «Делюкс», таксисты стали заметнее скромней, печальней. Но не исчезли – значит, находят еще клиенты.

Свирин отошел в сторонку, достал из сумки «Тел-зап плюс», «Тромбо асс», бутылочку «Аква минерале». Выпил. Каждое утро надо. Давление высокое, кровь густая... Да, самому полечиться бы, а тут... И в то же время, параллельно с досадой, тревогой перед неделями, а может, и месяцами в деревне, в непривычных для него, давным-давно горожанина, условиях, росла не то чтобы радость, а нечто вроде торжественности. На него вот-вот ляжет ответственность – уход за больными родителями, за домом, за собакой, за колодцем-журавлем, который в большие морозы, если не брать воду хотя бы сутки, замерзал так, что приходилось пробивать лунку ломом. Да уж этот лом – сто лет в руках не держал... Свирин управлял небольшой, но все же своей фирмой, имел двух детей. Работа в фирме была давно отлажена, а дети взрослые, самостоятельные; с женой он давно был в разводе. Так что чувства вот такой, непосредственной, ответственности он давно не испытывал...

Заказал «Яндекс.Такси», потом набрал маму. Слушал гудки и замирал от ужаса, что она не ответит, что страшное там случилось. Вчера они немного поговорили, но после этого был вечер, была ночь.

– Алло... алло. – Ее голос, и каждое слово как стон.
– Привет, мама, я прилетел! – выкрикнул Свирин; мама плохо слышала. – Прилетел, еду к вам.

– Да... Слава богу... Едешь?

– Еду. Сейчас такси подойдет.

– Сынок, подожди...

Свирин неслышно, про себя, вздохнул – мама могла начать спрашивать о совсем не нужном сейчас. Как долетел, какая здесь погода... Часто их разговоры растягивались на полчаса, час: маме все было интересно, она пересказывала передачи из телевизора, новости, события в мире, скандалы в семьях Шукшина, Джигарханяна...

– Ты это, сынок... Ты мне купи трусов... Простых...

А то если в больницу...

– Понял, мам, конечно.

– И отцу тапки теплые... Его совсем... развалились...

– Куплю.

– Ой, а как же... Ты на такси ведь...

– Заеду, – перебил Свирин.

– А можно?

- Можно, мам, можно. Не волнуйся.
Но таксист запротестовал:
- Вы ведь до Захолмова заказали, других адресов не было.
- Я... – В горле запершило от угольного дыма, и Свирина осторожно, чтоб не напугать водителя возможным ковидом, кашлянул. – Я доплачу.
- Да не в этом дело. Время, все такое...
- Что, отменять заказ? На пять минут всего на рынок...

Водитель, немолодой, явно не спавший ночь, вздохнул:

- Ладно, поехали. Сколько добавишь?

До деревни на экране смартфона высветилась тысяча двести рублей. Свирина решил дать сверху пятьсот. Услышав, водитель приятно удивился, хотя виду постарался не показать.

Автоматический женский голос в салоне поприветствовал и напомнил, что необходимо пристегнуться и использовать защитные маски и перчатки...

Рынок только-только открылся, торговцы раскладывали свои товары. Свирина повезло – быстро нашел хлопчатобумажные трусы, тапки, прикупил кой-какой еды, кусок баранины, куриные грудки. В деревенских магазинах с продуктами, знал, не очень.

- Ну все, теперь можно и в деревню.

Получилось это бодро и даже как-то довольно, а в душе все усиливалась тряска. Что его ждет через неполный час, что будет потом. Эти трусы... Сколько взрослых и пожилых сыновей ухаживают годами за немощными родителями. Моют, выносят горшки, переодевают, кормят с ложечки. Страшно, страшно...

Снег еще не лег, хотя давно должен был, и от этого делалось особенно тоскливо – чернота повсюду, замерзшая грязь, изможденность природы... И неба не видно, да что там неба, предметов в сотне метров – оловянная пелена вокруг.

- Что-то совсем задымленно, – сказал Свирина. – Раньше, кажется, такого не было.

Водитель с готовностью отозвался:

- Две гидры под боком, а тарифы повышают и повышают. Вот и жгут. Еще и уголь-то стал... Антрацит повыбрали, теперь бурый в ход пошел. А от него ни жару путного, зато копать вон...

Обогнули город по узенькой и тряской Кольцевой. По ней раньше ездили только дальнебои, но после того как развелось много легковушек и в центре стали возникать серьезные пробки, поехали и частники.

Свирина сидел сзади, придерживал пакет с покупками и смотрел в окно. Попытался разглядыванием

деревьев, дорожных знаков, гор, которые теперь, когда выехали из города, проступили вдаль, придавить мысли, тревогу, противный тремор внутри...

По этой дороге он ехал раз, может быть, в трехсотый, пятисотый. Все эти почти тридцать лет из аэропорта и в аэропорт, а сначала в город из деревни и в деревню, в которой их семья купила дом, переселившись из Ташкента летом девяносто первого... Да, тогда Свирина при первой возможности старался побывать в городе: ему, городскому, столичному парню, все в деревне казалось убогим, грязным. Буквально тошнило. А потом и холода начались, потом – зима, которой он до этого по-настоящему и не знал. Это не зима, понял, когда на улице несколько дней немного за минус и ты в квартире с теплыми батареями; зима – когда минус тридцать и ниже неделю, две, три, и если вечером не протопишь хорошенько избу – к утру замерзнешь насмерть.

Тогда он очень злился на родителей из-за переезда. Лишь потом, поступив в университет в Екатеринбурге, познакомившись с теми, кто буквально бежал из Средней Азии без всяких вещей, только в том, что было на них надето (а с некоторых и пальто сдергивали, шапки срывали), понял: за их цивилизованный переезд с контейнером мебели, одежды, посуды, за покупку просторной избы и большого участка земли родителей нужно благодарить...

Он и благодарил. Больше не словами – делами. Каждое лето обязательно приезжал к родителям (долго говорил «домой»), проводил по месяцу, а то и больше. Помогал по хозяйству, копался в огороде. Привозил жену, дочерей. Потом, когда с женой развелся, а дети выросли, бывал один (правда, в этом году удалось старшую уговорить, погостила неделю), к лету добавились весна, осень. Колот дрова, подновлял забор, выстелил плахами двор. В общем, старался сделать жизнь мамы и отца немного легче. Несколько лет уже предлагал переехать в город или к нему в Екат. Отказывались. Может, и правильно. В городе вон угар какой – задохнутся. Тем более у мамы астма...

До деревни было почти семьдесят километров. Сначала степь, потом шли островки сосен, а потом и сплошной сосновый бор, который дальше сменится тайгой. Как раз на границе бора и тайги и стояло их Захолмово. Вот эти самые холмы-увалы и дали название деревне. Сосен все меньше, их вытесняют березы, ивняк, в низинах – елки.

Пошли сплошные березы, толстые, но изогнутые, корявые, и все равно праздничные, даже родные. Да,

по этой роще Свирин всегда определял, что деревня совсем рядом.

Пригляделся, недоуменно-возмущенно хмыкнул: березы росли двумя узкими полосами вдоль дороги, а дальше – пустоши. Их раньше не было, этих пустошей, – наверняка попилили березы. Топят-то в основном березовыми поленьями, уголь вечерами засыпают, чтоб настоящий жар нагнать... Или, может, все-таки не замечал – из-за листы всегда казалось, что роща широкая. В такое время года – в позднее предзимье – он сюда не приезжал.

Березы оборвались, вернее, словно расступились, и поплыли за стеклами машины домики, заборы, ворота.

– Командуйте, куда, – сказал хриловато после долгого молчания водитель.

– Пока прямо.

Изменений особых Свирин не замечал. Последний раз приезжал сюда неполные три месяца назад, в начале сентября, копать картошку, прибирать огород. Впрочем, одно огромное изменение было – деревня замерла, приготовилась к долгой зиме. Конечно, никакой спячки у людей не будет, но работы станет, конечно, меньше, зато выполнять ее сложнее из-за холода, тяжелой одежды и мертвенного покоя вокруг (карканье вороны, синица под окном станут событием), ощущения запертости.

Нет, по-прежнему нужно проводить много времени на воздухе, но постоянно тянет в тепло, в избу. А в ней вскоре становится скучно, тоскливо, душно.

– Здесь налево, пожалуйста.

Но, может, он нагнетает? Может, переносит свои воспоминания о той зиме с девяносто первого на девяносто второй на все другие зимы в деревне? Может, не все так страшно?.. Ведь сколько раз мама с отцом рассказывали или писали в письмах, как тут солнечно, какой снег пушистый, как ребятня играет в хоккей на пруду, катается на лыжах. Заманивали приехать? А лет пять назад сообщили, что собака у них замерзла в пятидесятиградусный мороз. Вечером чуть ли не силой пытались завести ее со двора в сени – не шла, упиралась, видимо, считая человеческое жилище священным; мама бросила ей в будку старую шерстяную кофту, но утром нашли замерзшей. Свернулась калачиком и застыла... Весной завели новую, назвали так же, как и прошлую, – Чичей.

– Так, еще раз налево. И... – Свирин выдержал паузу, дожидаясь, пока машина, покачиваясь на замерзших волнах грязи, доедет до их ворот. – И вот здесь. Спасибо. – Вынул пятисотку, и мобильный как раз звенькнул, сообщая, что деньги с карты снялись.

Чича зашла было в лае, но узнала и завияла хвостом, склонила морду, будто извиняясь, что облаяла своего.

– Привет, привет. – Свирин скорее поднялся на крыльцо, прошагал через сени, вошел в избу.

И сразу почувствовал, как в ней холодно. Видимо, печки с вечера не топили. Их две. Одна на кухне, другая между спальнями. В основном использовали одну печку, на кухне, вторую, Свирин знал, протапливали только в сильные морозы. Родители в холодное время года жили на кухне и в большой комнате, а проемы в спальни – дверей в избе не было – зашивали толстыми одеялами.

Отец лежал на диване на кухне. На Свирина отреагировал – приподнял голову, посмотрел мутными, как бы совсем без зрачков, глазами. И снова опустил голову на подушку. Узнал или нет, Свирин не гадал, главное, жив.

В ботинках прошел в комнату. Позвал:

– Мама.

Она, заваленная одеялами, покрывалами, даже не приподнялась, а как-то потусторонне произнесла, как кому-то сообщила:

– Игорь приехал.

Свирину стало жутко.

– Мама, вы как?

– Ири... Врач обещала прийти. В больницу нам надо.

– Я сейчас печку затоплю. Обогреватель почему выключен?

– Включи... Пожара боялась.

Включил электрокамин, без мыслей, боясь думать, зарядил печь, потом, когда разгорелась, снова кинулся к маме:

– Вы есть хотите? Куриную грудку сварю?

– Свари... Ирина Игоревна не пришла? – Это местный фельдшер, при Свирине она не раз ставила маме уколы во время приступов астмы.

– Нет.

– Ох... Где же... Обещала.

– Придет. Пойду приготовлю.

Поставил на плитку кастрюлю с водой, отметив, что кастрюля помыта плохо, хотя мама всегда все делала тщательно, достал купленную на рынке грудку. Положил в воду. Подбросил дров в печь.

– Ну вот, – сказал маме, – сейчас тепло станет. Поедим...

Переоделся. Джинсы были новые, дорогие, не хотелось их замарать. Привез с собой толстые спортивные штаны. У родителей одежды было два шкафа, но вся какая-то старая, неудобная. Давно ничего нового не покупали. Не из экономии, а просто, мама говорила, сил не хватает по магазинам ходить.

Знают два продуктовых рядом с автобусной остановкой, а промтоварные (это слово теперь разве что от мамы и слышал) далековато...

- А на гарнир что? – спросил. – Рис, макароны? Мама молчала.
- Мам, – позвал громче, пугаясь, что она теперь никогда не ответит.
- Ой... сам... Чаю. Сухо во рту... жжет.
- Воды принести?
- Вода есть... без толку...
- Сейчас.

Почти побежал на кухню. Чувствовал растерянность и беспомощность. Конечно, умел готовить – много лет жил один (не считая кратковременных романов с таким же кратковременным сожительством), но сейчас не понимал, за что хвататься. Да и кухня в избе – это не городская. То и дело приходилось шагать к умывальнику, споласкивать руки, и вода в нем быстро кончилась.

Горячей воды не было; электрическая плитка с двумя конфорками, а плита на печке еще не нагрелась. На печку переставил кастрюлю с рисом; чайник же на конфорке и спустя минут пять был холодный. Сколько раз Свирин предлагал купить электрочайник, мама все отнекивалась: проводка старая, не выдержит... Догадался переставить чайник на ту конфорку, где варилась курица, и он сразу заурчал.

- Кто здесь? – видимо, разбуженный его движениями, звяком посуды, спросил отец.
- Я... Игорь. Привет.
- А ты чего?..
- Приехал... Вы болеете, и приехал.
- Болеем? – слабо удивился отец, помолчал, будто изучая свое состояние, и сказал: – Да, болеем. Я посплю?
- Конечно. Скоро курица будет. Поедим.

Свирин постоял, ожидая от него каких-нибудь слов, не дождался. Наверное, снова задремал. В последние годы он много спал. И Свирину вспомнилось, как отец, казалось, совсем недавно, удивлялся пожилым родственникам, которые много спали. Как-то они вместе пришли что-то у них взять, дрель или «болгарку», часов восемь утра было, и еле достучались. Отец потом говорил, что так постоянно. «Тут жить скорей надо, а они – и утром спят до обеда, и после обеда до ужина. Не понимаю».

Нет, давно это было, лет тридцать пять назад, но действительно, как бы и только что. Бывают такие воспоминания. Они пугают, потому что кажется, что ничего между тем днем и нынешним не было.

Было, много было. Почти ставший теперь миром родной Ташкент, переезд, университет, свадьба, дети, приезды сюда и отъезды с сумками, набитыми помидорами, солеными грибами, сибирской рыбой... Тридцать пять лет назад отец был крепким мужчиной, который без усилий подтягивался на турнике полтора десятка раз, переплывал кролем их широкий пруд, а теперь – еле ходит... Мама обессилела как-то резко – в последние два года, хотя давно болела астмой, раньше, до деревни, часто лежала в больнице: как весна с ее буйным цветением и пыльными бурями, так у нее приступ за приступом. Здесь же сосновый бор в сотне шагов. А может, дело в том, что преднизолон стала пить – лет до пятидесяти не решалась, боялась гормонов, располнеть...

Несколько раз с этим преднизолоном возникали проблемы. То ли какую-то лицензию не могли получить, то ли еще что, но он исчезал из аптек. Свирин просил своего приятеля из Эстонии привезти, специально летал к нему на встречи в Москву. В Екатеринбурге через знакомую как-то получил рецепт, потом гуглил аптеки. В одной маленькой окраинной увидел, помчался, купил семь упаковок. До сих пор мама пьет.

Но сейчас у нее не приступ астмы, а что-то другое.

Другое, другое... Да что гадать – наверняка коронавирус. Тем более вместе с отцом заболели, в одно время. Грипп или простуда так не проявляются – чтобы такая слабость... Или все-таки не он. Теперь везде он мерещится. Надо спросить, чувствуют ли вкус еды, запахи...

Отнес маме чай, предварительно несколько раз перелив из чашки в чашку, чтоб немного остыл.

- Сейчас курица доварится, рис почти готов. Вставай, поедем. Или сюда принести?
- Я... я встану... – Мама с жадностью хлебнула чай. – Ох, спасибо... Что-то Ирина... Игоревна никак...
- Давай я позвоню.
- О! Позвони... Там на листочке телефоны... И ее.

Свирин подошел к письменному столу. Большому, с широкими тумбами. Когда-то он стоял в отцовском кабинете. Отец был рабочим на авиационном заводе, и в кабинете, тем более с таким столом, необходимости вроде бы не было, но в свободные часы отец сидел за ним, читал книги, что-то писал. Позже Свирин узнал, что он пытался написать книгу о своих родителях, которые из-под Ленинграда в сорок первом были эвакуированы с заводом в Ташкент и там остались; о предках мамы, приехавших в Среднюю Азию еще в конце девятнадцатого века;

о самом Ташкенте, в котором смешалось столько культур и народов. После массовых драк узбеков с неузбеками в начале восьмидесят девятого года свою книгу он бросил и заговорил о переезде в Россию...

– Нашел. Вот.

– Звони, сынок... Не могу...

Телефон Свирина здесь ловил плохо – нужна была местная симка. В мамином номер фельдшерницы обнаружился первым. Зря в бумажках копался, потратил драгоценное время... Ожидал гудки, но вместо них раздался автоматический женский голос:

– Внимание, линия перегружена. Позвоните позже.

– Линия перегружена, – сказал маме.

– А, у нее всегда... Думала, хоть сегодня... – Мама произносила фразы с болью, но и как-то отстраненно, что ли. Как откуда-то издалека. Как уже не отсюда.

Свирин стоял с большим черным смартфоном «Ксиоми», который купил родителям этой весной, чтобы у них наконец-то был интернет – еле уговорил, – и не знал, что делать.

– Может, поедите? – спросил.

– О-ой... Не могу... ничего...

«Да что я!» Он чуть не хлопнул себя по лбу. Можно ведь напрямую вызвать скорую. Взять и вызвать. Действительно, что-то с ним происходило. То ли из-за перелетов и сидения в Толмачево, то ли возраст. Что, и в пятьдесят может накатить слабоумие. А скорее всего, просто не умел он быть сыном беспомощных родителей. Пока не умел.

Набрал 103. Гудки, слава богу, а не это «линия перегружена». Может быть, фельдшерница специально поставила такое на автоответчик, чтоб не доносили. «Не надо», – остановил себя Свирин. Было страшно думать о ком-то плохо, казалось, от цвета его мыслей будет зависеть здоровье родителей и его положение. Хотелось, очень хотелось чуда: сейчас родителей увезут, а дней через десять они вернуться здоровыми, сильными. И Свирин, окрепший за это время от физической работы, вернется в Екат, в свою квартиру. А утром поедет в офис и узнает, что все отлично...

– В целях повышения качества обслуживания ваш разговор с оператором записывается, – прожурчало в трубке. – Слушаю! – раздалось следом; резкий мужской голос и – фоном – какое-то потрескивание, звонки, голоса.

– Здравствуйте. Это вас беспокоят из села Захоломово, – начал Свирин.

– Какой район?

Назвал район.

– Переключаю.

Снова потрескивание, но другое – будто там вручную вставляют штекеры в нужные гнезда, как в старых фильмах.

– В целях повышения качества обслуживания ваш разговор с оператором записывается...

– Алло. – На сей раз голос женский, но тоже резкий, измотанный.

– Здравствуйте. – И Свирин стал объяснять, что с его родителями, требуется скорая помощь...

– На коронавирус мазок был? – перебил голос.

– Был...

– Результаты?

– Вчера был... Еще не было. – Свирин кряхтнул, злясь на себя, что его волнение отражается в речи, – обычно он выражался складно, давно выработал в себе крепкую, начальницкую интонацию. – Результаты обещают завтра.

– Результатов нет... И какую я вам бригаду пошлю?

– Ну...

– Я не могу рисковать жизнью врачей. Нужно дождаться результатов анализа.

Он хотел закричать, но задохнулся, подавился криком. Снова кряхтнул, выталкивая из горла воздушную пробку, сказал ровно, глухо:

– Здесь люди умирают. Им нужна помощь. Если помощи не будет, вы станете убийцей.

– Молодой человек, не нужно мне угрожать.

– Я не угрожаю, я...

Залаяла собака во дворе. Сначала зло, а потом, почти сразу, дружелюбно.

– Секунду, – сказал Свирин в телефон.

– Что? – не поняли там.

– Врач, кажется. Не отключайтесь.

– Молодой человек!..

Не слушая, Свирин пошел к двери. Понимал, без помощи местной фельдшерницы ничего он не добьется. Были бы они в городе, была бы машина, привез бы к больнице и – попробуйте не принять.

А если бы не приняли?.. Черт, не знает он, как нужно, как это все устроено. Все отводила жизнь, и дети ни разу в больнице не лежали, жена рожала легко, а теперь – как удар по морде. Оглушающий.

– Здравствуйте, Ирина Ви...

– Игоревна, – перебила-поправила фельдшерница. – Приехали?

– Да, вот... Я как раз со скорой говорю. Не хотят приезжать. – И Свирин протянул ей телефон.

Она мотнула головой – не надо, – стала снимать пальто. Свирин поднес телефон к уху.

– Алло. Алло!

В нем было тихо и пусто.

– Я должна сначала осмотреть, измерить температуру, – спокойно объясняла фельдшерка. – Если будут показания – сделаю вызов.

«Да какие еще показания – они ведь полумертвые!» Но Свири не выкрикнул это вслух, почему-то оробел. Даже покивал согласно. Типа, вам лучше знать...

Фельдшерка подняла с подбородка маску на нос, сполоснула руки под умывальником. Прошла к маме. Свири остался на кухне, подбросил в печку, сдвинул на край плиты допревший рис... Очень захотелось есть, но ведь не будешь сейчас... Слышал мамин голос, полный сухими слезами, слова не долетали, да он и не хотел знать, что именно она говорит. Хотел одного сейчас – чтобы осмотр прошел быстро, приехала машина и увезла их в больницу. И дней через десять они вернулись...

«Одного», – усмехнулся. Да не одного хотел, а очень многого, наверное, непомерно многого в этих обстоятельствах.

Фельдшерка вышла из комнаты, направилась к дивану, где лежал отец.

– Здравствуйте, поднимаемся, – заговорила и по-доброму, и строго, как умеют воспитательницы в детском саду. – Садимся. Температуру померим, послушаем...

Отец завозился, но сесть, кажется, ему сил не хватало. Свири подбежал, помог. Почувствовал, какой он худой. Буквально кости, покрытые теплой, иссушенной кожей.

– У вас-то прививка есть? – спросила фельдшерка.

– У меня? Да, оба компонента. – И Свири уточнил, будто это важно: – Весной делал.

– Хорошо. Майку ему приподнимите. Так, градусник. Прижмите крепче рукой... Тихо. – Приложила кругляш стетоскопа к отцовской груди. Послушала, переместила в сторону. Послушала. Потом – спину.

Отец сидел, опустив голову. Непонятно было, понимает ли он, что с ним делают, бодрствует ли вообще или снова погрузился в тяжелую, медленно утягивающую его из жизни дрему... Свири, как только вошел сегодня в избу, ощутил эту мертвящую дрему. Если не растолкать, не помочь лекарствами, ободряющими словами, заботой – уснут навсегда.

Мама поседела уже давно – голова стала ровно белой, а отец сидел медленно, и черные волосы чередовались с серебристыми. На темени только недавно появилась небольшая проплешина, Свири же стал лысеть лет пятнадцать назад, и макушка у него была гладкой, словно отполированной, а надо лбом

остался некрасивый, какой-то неопрятный клочок. Приходилось чуть ли не каждый месяц ходить в парикмахерскую.

Зачем-то сейчас вспомнилось выражение: потер лысину на чужих подушках... Да, он, Игорь Свири, и студентом был Казановой, и жене изменял, и после развода женщин у него сменилось достаточно. А отца он помнил всегда рядом с мамой. Вернее, они всегда были друг с другом. Никаких командировок, поездок по отдельности в другие города и тем более на отдых, как принято стало в последнее время.

Два года назад они отметили золотую свадьбу. Тихонько, без гостей и торжеств – даже администрации района не сообщили, хотя им положен был какой-то подарок. И Свирина не стали звать, а на его предложение коротко прилететь ответили: не надо, лучше летом лишние дни побудь. Он не настаивал – в таком возрасте любой праздник не очень в радость, суета и волнение опасны. Посидели вдвоем за скромно накрытым столом, выпили из хрустальных рюмок, купленных еще в семьдесят каком-то, настойки, сделали косоватое селфи, прислали вместе с комментарием: «Полвека вместе». Даже без восклицательного знака. И правильно – точка надежнее.

– Ничего не слышу. Ни хрипов, ничего, – сказала фельдшерка досадливо. – Температура тридцать шесть и четыре. Ох-х... – И громко, как к глухому, обратилась к отцу: – Как вы себя чувствуете?

– Нормально... Я лягу? Посплю маленько...

– Нельзя столько лежать. Сейчас я вам кофеин поставлю.

Свири как-то отрешенно, как бы тоже засыпая, наблюдал за фельдшеркой. Вот достала из сумки шприц в упаковке, коробку с ампулами, бутылек, видимо, со спиртом, вату...

– Надо скорую, – отгоняя сонливость, сказал. – И в больницу. Они ведь совсем... – И запнулся, не находя слова; вернее, слов, обозначающих состояние родителей, было множество, но все пугали. – Слабые, – наконец нашел самое мягкое, нейтральное, что ли.

– Надо, конечно. Только нет гарантии, что примут. Вот если бы результаты ковида были... Завтра должны прийти?

Свири пожал плечами. Но ответил утвердительно:

– Да, завтра.

– У бабушки-то я слышу хрипы, и температура высокая. У нее пневмония однозначно. А здесь...

Свирина кольнуло, что фельдшерка, сама уже далеко не молодая, называет его маму бабушкой.

Хотелось поправить: «Не бабушка, а Галина Павловна». Не стал. Побоялся рассердить.

- Здесь... Не знаю.
- Но ведь вы сами видите, – кивнул Свирин на отца, который медленно, как сухое дерево, валился на диван. Вот голова вмялась в подушку, туловище на простыню, тонкие синеватые ноги, напомнившие вывернутые корни, приподнялись и тоже легли. Руки потянули на них одеяло... Свирин помог укрыться.
- Я позвоню. – Фельдшерница собирала инструменты.
- Куда?
- В скорую. – И, поймав вопросительный взгляд Свирина, объяснила: – Я по стационарному. У них высветится номер пункта, а то мало ли... Больницы переполнены все.
- Да.

Свирин хотел помочь ей надеть пальто, она оставила. Догадался, боится заразиться. А может, еще какая причина...

- Спасибо вам, – сказал на прощание; не выдержал, добавил: – Поскорей бы скорую. Мне кажется, они на последнем... – Снова появилось несколько слов, страшных, которые сейчас нельзя произносить вслух, даже мысленно проговаривать. – Плохо им.
- Я скажу, что требуется срочная госпитализация. Не волнуйтесь. Они и вчера такие же были. – Заметила, наверное, недоумение на лице Свирина, объяснила: – Мама ваша сказала не вызывать скорую. Вас ждала.

Свирин покачал головой.

Фельдшерница вышла. Залаяла и умолкла Чича. Свирин выхватил из кармана пуховика сигареты, но выходить в сени не решился. Вдруг мама позовет. Или отец.

Присел на корточки перед печкой, закурил, дым пускал в сторону дверцы. Тяга подхватывала его, уносила через щели в топку.

Голос мамы из комнаты. Неразборчивый, слабый.

- Иду! – Свирин приоткрыл дверцу кочергой, бросил в огонь окурки. Поднялся.
- Она... позвонила? – кажется, с большим, чем полчаса назад, усилием выдавливая мама слова.
- Да, позвонила. – Он не стал объяснять, что фельдшерница позвонит с работы. – Наверное, едут уже.
- Хорошо... Документы, посмотри... на столе? Свирин посмотрел.
- Да, паспорта. – Открыл их. – Страховые, пенсионные. Все здесь, мам.

– Не забыть только. – И после паузы: – Надо... обратиться надо.

- Да. Помочь?
- Я пока сама. Потом... Она попыталась сесть и не смогла.
- Ох...

Свирин помог маме сесть, удивившись, какие мягкие у нее плечи. Ни одна жилка, казалось, не напрягалась, ни одна мышца.

- Подай мне... – Показала глазами на лежащий на столике у кровати пакет с трусами.

Хотел подать весь пакет, но понял, что и достать из него пятиграммовую тряпочку для нее сейчас большой труд; вынул, подал. И похолодел от мысли, что мама может попросить помочь. Это была не брезгливость, а страх чего-то противоестественного. Маленького ребенка родителю одевать – это естественно, но взрослому ребенку родителей... Тем более сыну мать...

- Я отвернусь, – сказал, – скажи, если что.
- Да... Сама пока...

Смотрел в окно. Сразу за ним небурные былинки цветов. Астры или что там мама сеет каждый год... Темные прямоугольники вскопанных грядок. Дальше – плачущая береза. Еще дальше – пруд. Темнеет на льду тропинка...

Не хотел слышать звуки возни за спиной, болезненное кряхтение, всхлипы. Но слышал, слушал, прислушивался. Равновесие бы не потеряла, не упала.

- Ох... вроде...
- Можно?
- Да.

Повернулся. Мама сидела на кровати, прикрыв ноги одеялом.

- Халат вот... этот... – кивнула на спинку кресла, – дай...

Подав халат, отвел глаза. Взгляд устался на корешки книг. Диккенс, Диккенс, Диккенс... Собрание сочинений. Тридцать темно-зеленых томиков. Свирин подростком пытался их прочитать. Сначала подряд, а потом те романы, которые советовали родители. «Оливер Твист», «Дэвид Копперфильд», «Домби и сын», «Наш общий друг»... Везде там герои страдают, оказываются на краю пропасти, готовы отчаяться, но на последних страницах обстоятельства складываются так, что они становятся счастливыми и богатыми.

- Готова...
- Молодец, мама. Пойдем, может, поедем? В больнице ведь долго... – Свирина хотелось говорить гладко, уверенно, но фразы рвались на отдельные слова. – Оформление... Давай?

– Надо бы.

Помог ей подняться, повел на кухню. Снова от-метил мысленно, что она дышит тихо, неслышно, не как обычно. Сказал ей об этом.

– Да я... не дышу... почти... Спа... спазмы...

Усадил, быстро положил в тарелку риса, кусок курицы. Хлеб достал из хлебницы. Слава богу, на-резка. Не надо возиться.

– Отец, позавтракай, – звал заодно. – Вот мама пришла. Вставай, пожалуйста, поедим. – Отец молчал.

Свирин потормошил его. Глаза приоткрылись, смотрели непонимающе.

– Давай поедим, – повторил Свирин.

– А я не хочу.

Сказано было так, будто Свирин заставляет отца делать что-то отвратительное, чего он не может допустить.

Мама ковырнула вилкой курицу, и вилка выпала из руки на клеенку. Свирин метнулся к столу воз-ле печки, принес нож, порезал кусок.

– Ешь, мама. Силы нужны.

Действительно, казалось, что главное – накормить родителей. И тогда слабость сразу пройдет, болезнь испарится, исчезнет.

– Какие штаны у тебя, – сказала мама, – ин-тересные.

– В смысле? – Он обрадовался, что она проявила к чему-то интерес, и сам глянул на свои черные треники.

– Написано там...

И Свирин впервые обратил внимание, что там, на левой штанине, что-то есть. «Brooklyn. EST 1967. Athl».

– Название команды спортивной, – сказал, хотя не был уверен; но надо было объяснить.

– Теплые?

– Теплые, мам, теплые... Отца бы как-то поднять.

– Вале-ерий Петрович, поднимайся, дружок, – по-звала мама вдруг крепким и ласковым, нараспев, голосом, и Свирину поверилось, что эти съеден-ные ею крошечки курицы, несколько рисинок вернули ей силы.

Но нет, договорилась она уже с усилием, выдавли-вая, как и прежде, каждое слово:

– Игорь вку... вкусно так... приготовил... Вставай...

Отец сделал движение, наверное, собираясь под-нять, и затих. Мама больше его не окликала.

– Попить бы, – попросила. – Печет...

Свирин вскочил:

– Чаю?

Она кивнула.

38

Чайник стоял на печке, был горячий. Заварил пакетик... В последние годы родители чай почти не пили, перешли на цикорий, но сейчас было не до цикория. Да Свирин и не знал, как этот цикорий го-товить, где он вообще лежит.

– Вот, мам, – поставил чашку по правую руку.

– О... хорошо... – Отпила немного. – Такая жажда...

Где же скорая...

– Еще немного времени прошло. Едет.

– Никогда оно так... не тянулось... Все не хватало... торопилась... а эти дни... Бесконечно... И ничего не могу...

Да, мама действительно всегда чем-нибудь за-нималась. Даже телевизор смотрела штопая, или картошку при этом чистила, горох, фасоль лущила; в последнее время с удовольствием пришивала к но-совым платкам кружевные ленточки. В общем, нахо-дила дело. И вдруг... Именно вдруг – еще в сентябре, когда Свирин приезжал сюда в прошлый раз, была бодрой для ее почти восьмидесяти, на его прось-бы посидеть, отдохнуть даже сердилась; помогала спускать в подпол кули с картошкой, ящики с лу-ком, чесноком, готовила, посуду мыла, а теперь – вот... И это не просто болезнь, которая пройдет, от которой возможно оправиться без следа. Это...

Мама сидела сейчас перед ним словно помоло-девшая – глаза, давно блеклые, выцветшие, были черны, кожа на лице разгладилась, щеки румяные. Но что-то зловещее было в этом преображении.

– А собаке-то, – встревожилась она, – собаке дал?

– Нет пока. Не до нее.

– Дай... Она... на хлебе одном... Полбулки кидала...

Там, – мама слабо качнула головой в сторону хо-лодильника, – колбаса... ливерная... подкроши...

– Я знаю, знаю, – перебил Свирин. – Не трать силы.

Намешал Чиче похлебки из риса, кусочков по-темневшей, заветрившейся ливерной колбасы, хле-ба, теплой воды. Вынес. Заодно покурил, глядя на огород.

Он лежал чистый, прибранный, готовый к зиме, снегу, который весной растает, напитает землю, и мама с отцом позовут соседа Володю с мотобло-ком, чтобы вспахал делянку под картошку, сами будут ковыряться, налаживать грядки, сеять мор-ковку, редиску, перенесут из избы в теплицу ящики с рассадой помидоров, перца, капусты. Как все эти тридцать лет. Обязательно. Иначе не может быть. Не может!..

– Да где же они? – первое, что услышал Свирин, когда вернулся. – Нет машины?

– Нет, мам. Еще рано.

– Да как же рано?.. Не могу больше... совсем...

Свирин посмотрел на часы. Ругнул себя, что не отметил, во сколько ушла фельдшерица. Но уже точно около часа назад. Ехать из города минут сорок. Но ведь пока она дошла до своей работы, пока те собрались...

- Может, позвонить в скорую? – предложил.
- Да, конечно... конечно, звони... сынок... Не дотерпим ведь... Критическое... состояние, скажи...
- И снова гудки, снова «в целях повышения качества», снова «Алло!».

Свирин стал объяснять, что час назад вызвали скорую, врач вызвала, родители в критическом состоянии.

- Так ведь отказ же поступил, – сказали в телефоне.
- Что? В каком смысле?
- В прямом. Позвонила бабушка, – опять это «бабушка!» – и отказалась.
- Никакого отказа не было! Я все время рядом с мамой. Никакого отказа! Срочно нужна помощь. Срочно! Они умирают, понимаете!
- Вы не кричите, молодой человек. Поступил отказ, что я могу сделать...

У Свирина плыло перед глазами. И в голове рвало. Будто череп раскрыли и выдергивали мозг.

- Мы не отказывались... У вас, – вспомнил, – разговоры записываются. С какого номера был звонок с отказом?
- Мы не имеем права раскрывать данные.
- А не ехать к тяжело больным имеете?
- Молодой человек, я уже вам сказала...
- Так я сейчас подтверждаю вызов. Пожалуйста, окажите срочную помощь больным. – И Свирин четко произнес адрес.
- Заказ принят, – последовал сухой ответ; но главное – «принят».
- Что там? А? – как только положил телефон на стол, стала спрашивать мама. – Игорь, что?

Свирин объяснил. Мама заплакала. Ему хотелось ее успокаивать, и не мог. Сполз на стул, сгорбился. Потряхивало, ноги под коленями стало крутить. При чем здесь ноги? Не бегал, не ходил почти, с чего им ныть? Но вслед за ногами и руки заняли, и в боках. В голове продолжало рваться... Вот так и теряют здоровье, вот так и дряхлеют. Не постепенно, а... Слово, подходящее слово!.. А из-за обстоятельств, таких вот ударов.

Да, это удар. И он, Игорь Свирин, оказался к нему не готов. Все думал, что родители вечно будут пусть не молодыми, но... но не такими вот.

- А ты чего? Галь? – приподнялся отец на локте. – Чего?

- Не хотят... нас... в больницу, – захлебываясь сухими рыданиями, ответила мама.

Что-то детское было в этом. Детская такая обидка. И неудивительно – и ребенок слаб и беззащитен, и старый человек.

- Мама, мама, не надо, – попросил Свирин, тоже сбиваясь на рыдания. – Сейчас приедут. Увезут. Вылечат. Капельница, лекарства... Не надо, мам... Сейчас я еще раз. – Схватил телефон.

Гудки, непременно предупреждение, что разговор записывается, женский голос.

- Это снова из Захолмова...
- Да выехала машина, господи, выехала! Ждите!
- Выехала, сказали, – передал Свирин маме. – Значит, скоро.

Мама не могла успокоиться. Но рыдания были совсем тихие, слабые. Утирала глаза и губы платочком. Одним из тех, что обшивала кружевами.

- Да! – встрепенулась. – Ведь это... Там... под столом, – кивнула в сторону комнаты, – в железной коробке... документы. Принеси.
- Потом, мам, – поморщился Свирин; это было совсем уже – как прощание.
- Сейчас надо... Неси...

Откуда у них появилась эта коробочка, он не помнил. Старых, до революции, вещей больше не было. Только эта коробочка из-под карамели. «Карамель. Высший сорт»... Мама за ней ухаживала, когда краска на выдавленных на жести цветочках обшелушивалась, подновляла гуашью или чем-то подобным.

В коробочке хранились когда-то открытки, письма, а теперь разные документы, квитанции за свет, земельный налог.

Свирин отодвинул тарелку с едой, поставил коробочку перед мамой.

- От... открой... Достань.

Открыл, достал какие-то бумаги, вложенные в мультифору.

- Не то... Дальше... Вот. Это...

Вынул из шуршащего целлофана стопочку сложенных пополам бумаг. Свидетельство о государственной регистрации права, договор купли-продажи земельного участка, межевой план...

- Если с нами что... Наследство... оформи... Только, сынок... – Снова стали рваться рыдания. – Не продавай дом... Не продавай!.. Обещаешь?

– Конечно! – ответил Свирин торопливо, опережая тот миг, когда перед глазами возникнет картина безлюдной избы, заросшего сорной травой огорода, пустой собачьей будкой... Несколько минут назад он заклинал кого-то, что-то: весной все будет так, как было год назад, двадцать лет на-

зад, тридцать... А теперь словно услышал, что закливание не поможет.

Нет, все будет нормально. Сейчас приедут, заберут, вылечат. Да. Да.

– И деньги еще... В верхнем ящике... В конверте...

– Хорошо, мам.

– Хлеб через день... привозят. Не пропусти. Чтоб в магазин... не ходить.

Свирин повторял:

– Хорошо. Хорошо.

– Что... еще?.. – Она сдвинула брови. – А... в теплице... там под брезентом... капуста мелкая... Собаке кроши... вари... ей тоже витамины... нужны.

Захотелось самому зарыдать от этой ее заботы о витаминах собаке в такой момент, когда сама еле-еле, «чуть тепленькая», как говорила их соседка из дома напротив тетя Валя. Умерла в позапрошлом году.

– И ты тоже... питайся хорошо... Полный холодильник... А!.. А с работой как? – нашла мама новый повод для беспокойства. – Сможешь здесь... пока?

– Смогу, мам, смогу. Сколько надо, столько и буду.

– Спасибо, сынок...

– Я покурю? А ты, может, поешь. Разогреть?

Мама шевельнула рукой: не надо, не до еды.

Свирин приоткрыл дверь в сени, услышал за спиной.

– Шапку-то!..

Обычно хмыкал, говорил, что все нормально. Но сейчас послушно снял с полки над вешалкой свою меховую кепку-жокейку. Вышел.

Закурить получилось не сразу – руки дрожали. Хотелось думать, что от холода. И изба не прогрелась, а здесь, в сенях, вообще колотун. Зима, почти зима.

На двор выходить не стал. Стряхивал пепел в большую стеклянную пепельницу. Отец ею пользовался, и сейчас в ней лежала пара старых, посеревших бычков. Наверняка последние несколько дней не выходил. Или курил у печки, или вообще... Фельдшерница ведь сказала, что они не первый день в таком состоянии. Не первый...

Вспомнилось, хотя вспоминать ничего не хотелось, – отец сидит под навесом и выпрямляет гвозди на чурочке. Года два назад. Или три. Участок забора тогда в огороде упал.

Бывая у родителей летом, Свирин и не замечал его, этот участок – он успевал уже зарости с обеих сторон крапивой выше человеческого роста. Не видел, ну и не проверял, как он там. А тут приехал в конце апреля. И правильно, что приехал, вовремя, – забор повалился. Нужно было срочно ставить новый. Тем более рядом бродили коровы – в стадо их

еще не собирали, поэтому искали молодую травку на улицах, в проулках, могли и в огород зайти.

Столбики были, доски тоже кое-какие подобрал, а вот гвоздей не оказалось. Новых, прямых. Зато в дырявых кастрюлях хранились разные ржавые, гнутые. Пока Свирин вкапывал столбики, подбирали слезы, пилил по размеру доски, отец занимался гвоздями.

И в очередной раз проходя мимо, Свирин вспомнил отцовский рассказ о его первом воспоминании: «Не знаю, сколько мне было. Года четыре. Дом строили. И меня посадили гвозди прямить. Вот это первое, что осталось: сижу и постукиваю молотком, стараюсь по пальцам себе не попасть, а гвоздь выворачивается, не дается. И я чуть не плачу, ведь батя гвоздей ждет».

Спустя семь десятилетий отец так же сидел перед чурочкой – слабый, ссохшийся – и пытался справиться в выгнутом дугой гвоздем.

Свирин подошел и сжал ладонями худые костлявые плечи... Тогда ему было очень, до слез, жалко отца, а теперь хотел, чтобы следующей весной он был таким же. А не как сейчас...

Замерз, но возвращаться в избу не спешил. Что там делать, как пережить эти десять, пятнадцать минут до приезда скорой... А если она не приедет? Если мама упадет со стула? Потеряет сознание? Как ему быть? Что в таких случаях делать?

Затушил окурок тщательно, буквально растер. Оранжевая бумажка фильтра порвалась, под ней оказался цилиндрок из волокна, напоминающего войлок... Захотелось посмотреть в интернете, из чего делаются сигаретные фильтры.

В последнее время Свирин часто задавался такими вроде бы детскими вопросами и искал ответы в «Википедии». Да, чем старше становился, тем любопытнее. И по маме он это замечал – всем так живо интересовалась, расспрашивала, разговоры по телефону становились бесконечными.

Весной наконец-то купили смартфон – до этого родители все отмахивались, дескать, не разберутся – и мама подолгу читала новости, статьи, смотрела разные ролики, каналы. Отец давно стал равнодушным, безучастным, а мама наоборот.

Сейчас Свирину и хотелось рассказать о чем-нибудь, расспросить маму – отвлечь от болезни, от ожидания скорой, и в то же время чувствовал, что не надо, что может сделать только хуже. Последние силы уйдут у нее на слух, на ответы...

Снова сидели за столом друг перед другом. Отец лежал рядом. На серванте тикал, тикал вроде и тихо, но оглушая Свирина, будильник.

Мама кренилась вбок. Выпрямлялась. Веки на- ползали на глаза, голова начинала опускаться...

- Может, приляжешь?
- Нет... Так...

На какое-то время – сложно было сказать, на какое, – собиралась, смотрела на Свирина, в окно, оглядывала кухню, задерживалась взглядом на отце, а потом снова кренилась, веки тяжелели, го- лова висла.

- Мама, попьешь?

Дотрагивалась до кружки и клала руку на кле- енку.

- Помочь?
- Не... не надо.

Свирин зажигал экранчик смартфона, смотрел время, потом оглядывался, сверял с будильником, с часами на руке. Пять минут тянулись как час, де- сять, казалось, как день. В ушах звенело то ли от тишины, то ли от напряжения.

Но слух его, видимо, обострился до звериного – Чича еще не залаяла, только забеспокоилась, а он уже выходил в сени. Глянул в прогалину между ба- ней и летней кухней на улицу. Да, по колдобинам, переваливаясь с колеса на колесо, полз желтый, с красными полосами микроавтобус... Свирин не сразу понял, что это скорая, – «что здесь газовая аварийка делает?» Заметил крест на капоте – «ре- анимация».

Метнулся обратно, будто им всем нужно теперь торопиться, выходить навстречу с вещами.

- Едут!
- Ох... Господи... господа...

Мама как-то по привычке, что ли, хотела засуе- титься, как делала всегда, когда подъезжали гости, и тут же стала падать, слабо цепляясь за стол. Сви- рин успел удержать.

- Сиди, пожалуйста. Пусть они сами... Пойду встречу.

Загнал собаку в будку, привалив вход осколком лопнувшей печной плиты. Распахнул калитку. Мах- нул водителю, явно ищущему нужный дом, – сюда!

Вид людей в защитных костюмах с капюшонами, в очках, респираторах, перчатках, сапогах-бахи- лах за эти почти два года пандемии стал обыден- ным. Их каждый день показывали по телевизору, и не в фантастических фильмах, а в новостях, да и на улицах Екатеринбурга, в торговых центрах Свирин их довольно часто встречал. Здесь же, в глухой деревушке, на фоне соседских избушек, заборов, соснового бора такой наряд выглядел по-настоящему жутко.

Тем более что приехали они не к кому-то друго- му, а к ним, и вот такими инопланетянами заберут

маму, отца... Пусть. Но только б забрали... Капельни- цы, врачи, анализы, утки. Сейчас, пишут, в корона- вирусных госпиталях хороший уход...

- Куда? Провожайте, – вместо ответа на привет- ствие, не то чтобы сердито, но очень по-делово- му, глухо из-под респиратора спросил человек в этом защитном комбинезоне; Свирин только по голосу определил, что это женщина, и потом уже, приглядевшись, по глазам – большим, красивым.

Чича зашла было в лае, ударила в плиту и пе- решла на скулеж. Наверное, испугалась.

- Проходите, – открыл Свирин дверь в сени, огля- нулся к калитке.

Второй человек что-то делал в салоне скорой. Свирин растерялся, не зная, ждать его или идти за женщиной, объяснять, помогать. Выбрал идти.

Дальше время для него стало двигаться рывками. То замирало, и Свирин тоже замирал посреди кухни или комнаты, теряя слух, зрение, то начинало ска- кать, колотя молотками-секундами. Как взбесив- шиеся часы в фильмах ужасов.

Эти замирания и рывки определялись врачами. Вот они то ли слушают легкие мамы, то ли давле- ния измеряют – Свирин смотрит в сторону, на полки с книгами или в окно, он и сам сейчас не понимает. Тишина. Потом шуршание комбинезонов, реплики, смысл которых Свирин не в силах понять, разо- брать – в ушах гудит.

- Паспорт... – голос мамы, – дай им.
- СНИЛС, полис страховой еще, – добавляет голос женщины.

И секунды начинают молотить. И Свирин мечет- ся по избе, не помня, где лежат документы. Ведь клал же на видное место... Находит, подает женщине. С удивлением, но будто во сне, наблюдает, как она руками в толстых перчатках открывает паспорт, что-то записывает в большой книге, которую назы- вают амбарной. Как она терпит в этой защите?.. Так ведь жарко. Жарко ужасно...

И снова время останавливается. Женщина пишет, мужчина что-то молча делает с мамой. Свирин сто- ит столбом и смотрит куда-то.

- Так, раздевайтесь, – голос мужчины.
- Свирин вздрагивает, словно требуют от него.
- Что? – голос мамы.
- Кардиограмму надо снять.
- Отвезите... меня... в больницу.
- Без этого нельзя.

Свирин выдавливает:

- Мама, помочь?

Часа полтора назад – или сколько прошло? – мама уберегла его от этого, может, и сейчас...

- Ох... да что ж... Ведь фельдшер сказала... срочно... срочная госпитализация.
- Мы не можем вас привезти в больницу без обследования. Вас просто не примут.
- Господи... ох... ой-й...

Судя по звукам, сама раздевается. И время оставается опять. Свирина смотрит куда-то. В ушах гудящая глухота, мозг обволакивает спасительное забытие.

Лишь крохотный неспящий участок мозга показывает Свирину его со стороны. Теперь не врачи, а он очень похож на инопланетянина. Но не в странном костюме, а в человеческом обличье. В каком-то фильме такие. Они принимают облик людей, но спать не умеют, а ночи проводят, стоя вот так, без движения, с открытыми неподвижными глазами. И ловят сон людей. Если поймают, превращают в таких же, как они. И единственная возможность для людей остаться людьми – не спать.

Но как хочется. Именно сейчас. Да, он человек, он никакой не инопланетянин... Уснуть, и чтобы это все как-нибудь... Само как-нибудь... Но – к лучшему... Или вообще сном оказалось...

- Так, дедушка, поднимаемся.

Оказывается, врачи на кухне, возле дивана. На столе – ярко-оранжевый ящик с распахнутыми створками. Какие-то ампулы, бинты, приборчики, бутылки, ножницы... Отец сидит, на левой руке эта штука для измерения давления, взгляд пустой, покорный.

Свирину снова хочется заплакать, как тогда, под навесом. И снова наползает прошлое. Совсем недавнее. Совсем-совсем.

Около трех месяцев назад. Прошлый приезд. Начало сентября.

Тогда они каждый вечер играли в домино. И до этого играли – Свирину посоветовали чем-то занимать родителей, чтобы деменция не развивалась. Кроссворды, головоломки, карты, шахматы, домино. Домино мама с отцом когда-то любили, и костяшки были в доме.

Сначала, правда, мама удивилась: «Да зачем время убивать на баловство?» Свирина объяснил, что отцу полезно. Что и ей полезно, не стал говорить. Хотя и ему самому не мешало шевелить мозгами.

Летом сил играть хватало нечасто, а в сентябре темнеет раньше, вечера длиннее. Играли долго, партий по семь, по десять вот за этим столом. И Свирина радовался, замечая, как оживляются родители, особенно было приятно наблюдать за отцом – равнодушный, потухший, он становился азартным, почти не путал костяшки, ставил правильно и ча-

сто выигрывал. Очки не записывали, побеждал тот, кто первым закончит. Призом служила или долька мандарина, или конфета, или кусок банана.

«Опять, Валерий Петрович, всех обскакали! – наигранно возмущалась мама. – Нам-то дадите выиграть?» – «Как, – отец разводил руками, – поддаваться, что ли?» – «Ну так и поддайтесь маленько». – «Не-ет, не буду. Мандаринки больно вкусные».

Такие хорошие были вечера. Может, и счастливые...

- Молодой человек, – голос врача, – помогайте.

Свирина вздрогнул, понял, что это его так назвали – молодым.

- Да-да, что? – пошел к дивану и мельком удивился, какой мягкий пол под ногами – прямо проминается. Как по перине идет.

- Майку надо снять.

- Давай, отец, снимем. Приподними руки... так...

Отец слабо, но слушался.

- Ложитесь, дедушка.

Лег. Врач стал прилеплять присоски. Они отлеплялись. Отец был очень худой. И ведь ел нормально, по крайней мере, когда Свирина бывал здесь. Но худел и худел. Может, сознание требовало напитывать тело белками, витаминами, жирами, а организм уже не принимал – готовил...

- Так, вот эту и эту держите. Прижмите крепче.

Свирина надавил присосками на отцовские ребра. Отец застонал.

- Не так сильно, молодой человек. Марина, включай.

Загудел, застрекотал аппаратик. Полезна из него полоса бумаги.

- М-да, – гулкий, в респиратор, вздох врача.

- Плохо, да? – спросил Свирина.

- Как мы их двоих повезем? – вместо ответа ему обратился врач то ли к женщине, то ли к себе самому. – А вторая машина... Все на вызовах.

- Погрузите... в одну. Вместе нас...

Мама уже была здесь. Стояла, держалась за спинку стула.

- Да как вместе? Одна кушетка.

- Я сида... У вас там сиденья... есть.

Снова гулкий вздох. Долгая, показалось Свирину, пауза. Переступил с ноги на ногу. Пол снова был мягкий, втягивал в себя и двигался. На всякий случай Свирина ухватился за спинку другого стула. Подумал: «Если что – не удержусь».

- Что, в больницу? – приоткрыл глаза отец.

- Надо, – неуверенный ответ врача. – Давление совсем слабое, и остальное.

– Везите нас скорее... пожалуйста! – последним усилием воскликнула мама; качнулась, врач поймал ее за плечо:

– Да. Сейчас... Марина, собирайся, я за Геннадием. Врач вышел. Свирина хотел было усадить маму, она отказалась:

– Не встану... Дай вон куртку, шаль... Сапоги... хоть бы налезли. – И снова, как тогда, перед несостоявшимся завтраком, молодо, звонко позвала: – Валерий Петрович, вставай! Поехали лечиться. Он послушался.

Свирина бегал по кухне от вешалки и полки с обувью к дивану, к стоявшей у обеденного стола маме. В комнату за какими-то вещами. Натягивал на отца теплые штаны, носки, помогал одеваться маме. Клал что-то в сумку, кивал, отвечал, не слыша, что отвечает. В ушах гудело, пол выдергивало из-под ног.

Вернулся врач с водителем и мягкими носилками.

– Так, ложитесь.

Мама попыталась:

– Я сама... сама выйду. Его, – кивнула на отца, – надо.

Свирина и водитель взяли отца под руки. Водитель, приблизительно ровесник Свирина, тоже с брюшком, тоже лысоватый, приговаривал ласковым голосом:

– Вот сюда, так, остороженько... Головой к дверям. Хорошо-о...

Понесли. Было нетяжело.

Свирина боялся, что где-нибудь зацепятся, не войду в дверной проем, но стоило потянуть ручки друг к другу, и носилки становились уже, отец почти утопал в них.

Спустили с крыльца. Чича залаяла. Лай быстро перешел в подвывание.

– Фу! – крикнул Свирина. – Перестань!

И в калитку вписались хорошо. Вот и машина.

– Так, опускаем.

Опустили на землю, на сухие травинки, рыжеватые березовые листья. Отец смотрел в небо. Потом заметил Свирина, потянул углы губ вверх, пытаясь улыбнуться. Свирина тоже попытался улыбнуться, а может, и улыбнулся, кивнул, подбадривая.

Водитель стал раскрывать задние дверцы машины. Лязгало, шелкало. Свирина глянул направо, налево. Улица была пуста, тиха. Только Чича скулила в будке. Вот снова залаяла, но не зло, а как-то жалобно, с обидой. Скорее всего, маму выводили из дома.

На улице серый сумрак. Свирина показалось, что уже вечер. Глянул на часы. Нет, всего-то семь минут первого. Но теперь так до февраля, и даже в ясные

дни солнце будет проползать по самому краю неба, то и дело скрываясь за огибающими село холмами.

– Поднимаем, – сказал водитель, – и аккуратно вот в эти пазы.

Подняли, вставили. Взгляд Свирина уперся в подошвы отцовских ботинок. Вернее, полусапог. Теплых, кожаных, на молнии. Новых. Летом подарили со старшей дочкой ему на день рождения. Дочку уговорил приехать. Хоть навестила их перед этим... И как удар током: а ведь, наверное, дарить обувь – плохая примета. Как же он не посмотрел, не проверил. Вслед за ударом нахлынуло, обдало как кислотой: он виноват.

Глупости. Не связано это. Тапочки нельзя, а ботинки... Родители почти не покупают одежду, донашивают, и у отца те зимние ботинки были все облупившиеся, в трещинах. Свирина предлагал и слышал в ответ: «Да зачем? Куда мне в новых? Нормальные...»

Вот и мама. Ее держат врач и врачиха. Или кто она, фельдшер, медсестра?.. Какая разница...

И с какой стати такие вопросы приходят сейчас? Сейчас другое важно. Другое. У самого, что ли, слабоумие, или с ума сходит?.. Да нет, это самозащита. Отвлекает мозг на другое, чтобы действительно не свихнуться, не рухнуть в истерике, сознание не потерять.

– Ну, сынок... давай тут... как-нибудь, – сказала мама.

Свирина дернул головой, как смог обнял ее. Врачи мешали обнять по-настоящему – стояли к ней плотно.

– Да... это... там в серванте... горячее. Выпей за нас... вечером.

– Да. Держитесь, пожалуйста. Поправляйтесь.

Мама слабо, как и отец только что, потянула губы:

– Будем стараться, сынок. Будем... стараться.

Ее подвели к машине, к двери сбоку. Женщина прыгнула в салон, мужчина подал ей сумку с вещами. Женщина положила их куда-то, протянула руки к маме.

– Поднимаемся.

Мужчина приподнял маму, и вдвоем они усадили ее в кресло, пристегнули ремнями.

– А! – вспомнил Свирина. – Минуту.

Мужчина оглянулся на него.

– Как мне узнать, в какой больнице? Каком отделении?

– Если ковид подтвердится, то в госпиталь... Вашему фельдшеру сообщат.

– Ясно... Мама, отец, – Свирина сунулся в салон, – поправляйтесь! Жду вас! Очень!

Они ответили что-то, но слов он не разобрал. Женщина надевала на маму прозрачную маску с трубочкой. Видимо, кислородную. Мужчина потянул дверь, и Свирина убрал голову. Отступил на шаг.

Машина тихо, будто и мотор не работал, тронулась.

Медленно, качаясь, как лодка, завернула за угол забора и исчезла.

Свирин вошел во двор, закрыл калитку. Ключа в замке не было. Посмотрел на стену избы – там гвоздь, на котором они обычно висели. Да, там. Пошел, снял. Вернулся к калитке, запер ее.

Выпустил Чичу.

– Вот остались мы с тобой одни. – И добавил успешно: – Пока. Будем домовничать.

Хотел погладить, но Чича оскалилась и зарычала. Так она делала, если смотрели на нее, когда ест. – Сдурела? – Свирина отошел. – Я виноват, что ли?

Чича прикрыла пасть, завиляла хвостом, но глаза были злые. Или не злые, а...

– Ну тебя.

Свирин набрал охапку дров, пошел в дом.

Долго курил возле печки. Не думал сейчас ни о чем. Отдыхал, что ли. Привыкал к новому своему положению, к этой, хм, новой реальности, о которой много говорят в последнее время. К одиночеству. К ожиданию.

Полешки лежали на почти погасших углях, тихо шипели. Нагревались. Угли становились ярче. Вот один из них, будто собравшись с силами, выпустил синеватый огонек, лизнул лохмотья бересты, и полешко вспыхнуло. Следом соседнее... Свирина бросил в топку оплавленный фильтр, прикрыл дверцу.

Прошел по кухне. Постоял у окна. Все те же небурные стебли цветов, за ними прямоугольники вскопанных грядок. Береза, замерзший пруд, избушки, сарай, заборы. Бугры холмов. Низкое небо цвета сухого цемента. Может, снег пойдет. Нужен снег. Не так тоскливо, когда снег. Сейчас самые трудные дни – зимний бесснежный холод. Их нужно пережить, эти дни. И декабрь с январем. В феврале станет повеселее.

Встряхнулся, фыркнул – не будет он здесь до февраля. Нужно в город, дела там, друзья, женщины. Две-три недели...

Да, хорошо бы. Две-три недели выдержит. Может, это даже полезно. Будет снег грести... А еще? Что делать еще?..

Мучительно стал искать, придумывать для себя занятия, но ничего не нашлось, не придумалось, кроме этого: ждать. Он будет ждать родителей. Или поправившихся, или...

– Так, – остановил себя. – Так-так-так.

Открыл отделение серванта. То, которое называется баром. Справа. Там стояли бутылки. Почти все пустые, наверное, про запас, на всякий случай – в деревне и пустые бутылки до сих пор ценились, – а в одной была чесночная настойка, в другой, видимо, то самое горячее, о котором сказала мама.

Свирин открыл крышку. Да, самогонка. Родители иногда покупали тут у знакомых. Неплохая.

Достал из холодильника банку с груздями. Собранными им в сентябре. В прошлые годы грузди попадались в основном сухие, которые, как выяснил Свирина благодаря «Википедии», к груздям и отношения не имеют, а в этом высыпало много настоящих. Их здесь называют правскими. Наверное, в смысле – правильные, настоящие. Правские грузди. И вкуснее они намного этих сухих, да и рыжиков тоже. Самые вкусные грибы для Свирина.

До переезда сюда он, кажется, и не ел грибов. Или не замечал. Может, мама и готовила шампиньоны, что-нибудь консервированное покупала. Хотя из овощных и фруктовых консервов он помнил зеленый горошек, персики, ананасы. Было ли в советское время еще что-то?.. Да, салаты в банках – с запахом рвоты... Но, в общем-то, подростком он и не замечал, что ест. Любил вареную колбасу с зеленым чаем с молоком, а остальное так – чтобы живот набить.

Грибы стали очень важны после их переезда сюда. Надо было чем-то питаться. Деньги тогда стали редкостью. Вот и ходили в бор, резали грибы, рвали ягоду. Грибы показывали местным, те определяли, какие съедобные, а какие нет. Почти все советовали выбрасывать – «негодное».

Потом, когда Свирины купили «Грибную энциклопедию», оказалось, что многие из якобы негодных были вполне съедобными. Даже заподозрили местных в корысти – чтоб они меньше собирали и им больше доставалось, – но потом заметили, что люди здесь берут лишь несколько видов грибов, а сыроежки, опята, валуи, моховики, зеленушки, даже шампиньоны оставляют. Что ж, так, видимо, повелось, ну и Свирины тоже традицию эту поддержали. Тем более когда попало несколько очень горьких сыроежек...

А грузди в банке почти нетронуты, наверное, родители их разок-то и попробовали. Верхние успели немного потемнеть, а ниже, в рассоле, молочно-белые, с бахромой – от одного вида слюна набегают. Есть и желтоватые – это сухие, – но их мало.

Свирин нацеплял вилкой несколько штук, положил на тарелку. Поискал в холодильнике сметану.

Сметана была, но старая, загустевшая до состояния масла... Ладно, без сметаны. Так даже лучше – вкус грибов чище.

Слегка разогрел курицу, рис. Налил самогонки в хрустальную рюмочку на ножке. Предпоследняя уцелевшая из сервиза, который купили еще там, в его детстве.

Посидел, держа рюмку в правой руке. Настроиться мешало тиканье будильника. Свирин хотел было вынуть батарейку, но спохватился – останавливать часы – примета куда хуже обуви в подарок. Отнес будильник в дальнюю комнату.

Снова сел, взял рюмку... Досадовал, что не сказал родителям напоследок важных слов, лишь эти штампы: поправляйтесь, жду... Но что надо было сказать?.. Жалел, что не расспросил их о том, как их семьи оказались в Узбекистане. Откуда предки отца, эта красивая, очень русская, кажется, фамилия – Свирины... У него две дочери, вот выйдут замуж и фамилии сменят, а если не сменят, то дети будут носить фамилии отцов. И, получается, он, Игорь Валерьевич, последний по их линии Свирин. Вряд ли на шестом десятке с кем-то сойдется так, чтобы появилось потомство. Хм... Где-то есть Свирины, в том числе и родня, но давно не общаются. Даже и сообщить, если с родителями что, некому. Все по-настоящему родные лежат в Ташкенте на Домбраде...

– Ладно, – успокоил себя этим великим русским словом; чокнулся с бутылкой и выпил.

